

Индивидуальное обученіе полевому дѣлу пѣшаго и коннаго бойца.

В послѣднее время въ періодической военной печати раздаются все громче и громче голоса за то, что надо продлить лагерные сборы, заниматься строевыми ученьями круглый годъ, производить маневры и внѣ лагернаго времени, даже зимою и т. д. Кто жадаеть прослыть современнымъ человѣкомъ, тотъ объявляетъ себя врагомъ казармы, манежа, экзерциргауза, проповѣдуя необходимость производства строевыхъ учений и маневровъ зимою, какъ лѣтомъ: это нынѣ въ модѣ.

Отвергать необходимость большаго числа полевыхъ упражненій не приходится; польза маневровъ, производимыхъ иногда и зимою, тоже очевидна, но лишь при условіи снабженія войскъ легкою и удобною теплою одеждою. Однако, не въ маневрахъ, какъ стараюсь доказать ниже, суть дѣла. *Она кроется скорѣе въ соотвѣтствующей одиночной полевой подготовкѣ самаго бойца какъ пѣшаго, такъ и коннаго*, безъ чего никакіе маневры пользы принести не въ состояніи, а эта «одиночная полевая подготовка нижняго чина» все еще очень сильно хромаетъ во многихъ частяхъ.

Продолжительность маневровъ въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ климатъ болѣе мягокъ, вполне достаточна, а зимніе маневры тамъ

тоже не новость. Они въ ходу по крайней мѣрѣ уже 20—25 лѣтъ; въ нѣкоторыхъ же частяхъ ученья и маневры производятся зимою до 2-хъ разъ въ недѣлю. И все же, какъ видно изъ жалобъ офицеровъ, начальствовавшихъ въ Русско-японской войнѣ, это не дало тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было бы ожидать.

Больше 25 лѣтъ занимаются у насъ точно также весьма усердно сторожевыми ученьями. Традиціонный подчасокъ—манекенъ, на правомъ колѣнѣ, силуэтъ котораго такъ мѣтко набросалъ г. Лешъ въ своей брошюрѣ: «Пріемы боевой подготовки бойца, звена, отдѣленія и взвода», существуетъ столько же лѣтъ. Не менѣе времени видимъ мы на этихъ ученьяхъ и парламентаря, съ которымъ нижніе чины, завязавъ ему грязнымъ платкомъ глаза, играютъ чуть ли не въ жмурки. Знакома также каждому строевому офицеру фигура традиціоннаго перебѣжчика, которому, подъ предлогомъ направленія его на пропускной постъ, накладываютъ иногда въ азартѣ дѣла по шеѣ или, какъ вѣрно подмѣтилъ г. Лешъ, срываютъ шапку съ головы. Все это хорошо знакомыя картины. И цѣпочки дозорныхъ ходятъ во время походныхъ движеній около 30-ти лѣтъ и по сей день аккуратно, симметрически, охраняя свои части отъ негрозящей имъ вовсе опасности. И все это никогда никого не смущало. Не всегда отдаютъ себѣ и понинѣ отчетъ въ томъ, что эти пріемы—остатки метода обученія, дававшего, можетъ быть, хорошіе результаты при длинныхъ срокахъ службы, частыхъ войнахъ и совсѣмъ иномъ характерѣ боя и войны, чѣмъ нынѣшній. Методъ этотъ совершенно устарѣлъ. Устарѣли и практикуемыя въ кавалеріи поѣздки съ развѣдчиками: 96 человекъ, слѣдующихъ въ колоннѣ «по три» по дорогѣ! Понятно, что всѣ торопятся попасть засвѣтло на ночлегъ, а потому нерѣдко «вся полевая работа» исполняется дома, по возвращеніи: кроки, задачи, донесенія и т. д.

Отмѣчу также, что не менѣе 25-ти лѣтъ существуютъ у насъ важнѣйшія, по мнѣнію многихъ, пособія для обученія полевой службѣ: рельефные планы, ящики съ пескомъ, и развѣ только одни оловянные солдатки могутъ считаться нѣкоторою новостью. И отъ этихъ пособій, разъ они являются такими хорошими вспомогательными средствами, можно было бы, строго говоря, ожидать лучшаго. Работаютъ у насъ со времени Турецкой войны вообще весьма усердно надъ обученіемъ бойца, и все же жалобы на плохую подготовку его въ полевомъ дѣлѣ, а въ особенности жалобы на подготовку по рассыпному строю призываемаго изъ запаса были

въ послѣднюю кампанію весьма обильны. Слѣдовательно, работали мы, хотя и усердно, но, очевидно, не въ томъ направленіи, въ какомъ надо было.

Лучшіе успѣхи на войнѣ были бы несомнѣнны, если бы *рациональная подготовка одиночнаго человека и неторопливое индивидуальное обученіе его на мѣстности, почти что со дня поступления на службу, являлись общимъ достояніемъ*, а полевые занятія не велись въ большинствѣ частей шаблонно, гуртомъ или огуломъ, и «форма не преобладала бы надъ духомъ». Привязанность къ формѣ, къ подробнымъ расписаніямъ, отчетамъ, журналамъ и вообще къ бумажному контролю убиваетъ и по сей день всякую инициативу у нисшаго команднаго состава, препятствуя развитію полевого дѣла, не вмѣщающагося въ узкія рамки строгой регламентаціи, къ которой, однако, мы привыкли и бросить которую никакъ не можемъ.

Думаю, что не раздавалось бы такъ много жалобъ съ театра войны, если бы обращалось больше вниманія на увольняемыхъ въ запасъ и имъ производилась бы, передъ уходомъ съ дѣйствительной службы, основательная провѣрка исключительно практическимъ путемъ. Полагаю, что нареканія отсутствовали бы также, если бы запасные, призываемые въ учебные сборы, повторяли когда то основательно усвоенное ими и притомъ повторяли практически, на мѣстности, а не въ казармахъ, экзерциргаузахъ, столовыхъ, манежахъ или на казарменныхъ дворахъ, и не обучались бы преимущественно маршировкѣ и залпамъ изъ сомкнутаго строя по командѣ: «пальба»¹⁾. Не было бы жалобъ, если бы унтеръ-офицеры запаса не становились на учебныхъ сборахъ въ роль простыхъ рядовыхъ, а сборы запасныхъ были бы болѣе часты и болѣе продолжительны и т. д. Въ этомъ отношеніи сильно грѣшили до послѣдней войны, грѣшатъ кое-гдѣ и понынѣ, ожидая, что какой-нибудь зимній маневръ или два, три и нѣсколько весеннихъ

¹⁾ Трудно предполагать, что современный противникъ покажетъ намъ цѣли, которыя можно обстрѣливать залпами, да еще добавокъ изъ сомкнутаго строя.

Въ сферѣ огня нынѣ видны лишь длинныя, тонкія, мало замѣтныя линіи стрѣлковъ, искусно примѣняющихся къ мѣстности, а захватить непріятеля въ походной колоніи или открыто стоящаго въ резервномъ порядкѣ врядъ ли удастся. Во всякомъ случаѣ это будетъ доказывать, что у него не было никакого охраненія и ни малѣйшаго намека на развѣдку. Въ видѣ исключенія это можетъ имѣть мѣсто, но основывать на такомъ исключительномъ случаѣ чуть ли не все обученіе—болѣе чѣмъ наивно. Вотъ почему безпрестанная команда: «пальба шеренгою» или «пальба взводомъ» въ ущербъ одиночному обученію пахнетъ отсталостью.

сторожевыхъ ученій (сразу въ составѣ цѣлыхъ ротъ, эскадроновъ) создадутъ, какъ по волшебству, полевого работника, пополнивая то, что упущено изъ виду при одиночномъ обученіи. Какъ сильно ошибаются тѣ, которые такъ думаютъ, а ихъ можно насчитать очень много.

Если, съ одной стороны, зимній маневръ приноситъ извѣстную пользу, отвергать которую никто не станетъ, то, съ другой, нельзя упускать изъ виду и вреда, наносимаго имъ. Зимній маневръ, при отсутствіи теплой одежды, сплошь и рядомъ сильно понижаетъ санитарное состояніе части. Заболѣваемость, въ особенности, если располагаться ночью бивакомъ, увеличивается, доходя подчасъ до большихъ размѣровъ, а наша пѣхота, да въ нѣкоторыхъ округахъ и кавалерія, иначе становиться на отдыхъ не умѣетъ. Проходя послѣ зимняго маневра ночью по казармѣ, вы слышите непрерывный кашель, иногда настоящій ревъ, а къ веснѣ, когда каждый лишній рядъ цѣнится на вѣсъ золота, замѣчаете, что у васъ много людей уволено вовсе отъ службы или на поправку на годъ; о смертности уже не упоминаю. Зимній маневръ, при отсутствіи теплой одежды, недостаточно поучителенъ: не работаютъ, какъ слѣдуетъ. Приходится вообще довольствоваться моціономъ, продѣлывать многое кое-какъ, отбывать номеръ, ибо немислимо предъявлять тѣ же требованія, что лѣтомъ или осенью. Наконецъ, что прикажете дѣлать во время зимняго маневра съ молодыми солдатами? Для нихъ это задержка въ обученіи, тормазъ въ подготовкѣ, для нихъ это каждый разъ пропавшій день или даже два-три дня!

Какъ пропавшій?—Брать ихъ съ собою и шабашъ. Либо выводить въ строю своихъ ротъ (эскадроновъ), либо отдѣльными командами, а то обучать дома. Подобныя фразы приходилось слышать весьма часто отъ людей, мало знакомыхъ со строевою жизнью. Кабы все это было такъ просто! Въ кабинетѣ оно, пожалуй, такъ и кажется. Но на послѣднее, т. е. на обученіе дома, не хватитъ учителей. При нашихъ слабыхъ, по сравненію съ заграницею, кадрахъ, все свободное отъ нарядовъ и все лучшее забирается на маневръ. Если ставить молодыхъ солдатъ въ общій строй, то получается, въ особенности въ кавалеріи, только толкотня и суматоха, но никакъ не поучительное полевое упражненіе. Выдѣляя молодыхъ въ особую команду, такъ сказать, въ качествѣ зрителей, получимъ, пожалуй, больше пользы, но у молодого солдата, воспитаннаго на вопросахъ и отвѣтахъ, «начиненнаго голой теоріей», большинствомъ не усвоенной, обученнаго чуть ли не исклю-

чительно на рельефныхъ планахъ и ящикахъ съ пескомъ, получится всетаки порядочный сумбуръ въ головѣ. А если оставлять молодыхъ дома, приставляя къ нимъ, въ качествѣ наставниковъ, худшихъ или заболѣвшихъ людей, или вернувшихся съ нарядовъ и карауловъ, словомъ «случайныхъ» или «невыспавшихся» учителей (ибо, повторяю, все лучшее, свободное, ушло на маневръ), то польза отъ работы будетъ весьма сомнительна. Въ пѣхотѣ продѣлаютъ съ ними нѣсколько поворотовъ, маршировку и непременно «пальбу» взводомъ или шеренгою по командѣ и больше ничего, а въ кавалеріи дѣло оказывается болѣе сложнымъ. Молодые солдаты ѣздятъ вѣдь на лучшихъ лошадяхъ; онѣ самыя сильныя, выносливыя и самыя крѣпкія на тѣло. Поэтому всѣ онѣ ушли на маневры, дома остались: хромыя, больныя, худоконныя и дурноѣзжія. Горячую, трудную поѣздѣ, худоконную лошадь никто не возьметъ на зимній маневръ, пока слово «тѣло» не исчезнетъ изъ словаря, ибо кто же самъ себя врагъ ²⁾. А какъ же посадить молодого солдата на горячую или таскающую лошадь? Какъ станешь учить его на закидывающемся или, можетъ быть, опрокидывающемся конѣ? Сдѣлать маленькую проѣздочку гуртомъ одной трети или половинѣ молодыхъ солдатъ, можетъ быть, и удастся, но, разъ время дорого, это не окупается потерею каждый разъ двухъ дней.

Вотъ почему идея возложенія обученія молодыхъ солдатъ на особая запасныя войска заслуживаетъ всесторонняго обсуждения и испытанія. Вообще маневры и сторожевыя ученія будутъ приносить болѣе осязательную пользу только въ томъ случаѣ, если нижній чинъ будетъ сталкиваться на нихъ съ вполне привычною ему полевой обстановкой. Привычка же явится только тогда, когда онъ будетъ изучать полевое дѣло какъ бы по раздѣленіямъ или, такъ сказать, «по складамъ», т. е. при условіи, что дѣло это будетъ преподаваться практически на мѣстности, почти что съ первыхъ дней службы. Преподаваніе должно вестись, какъ требуетъ § 41 новаго Положенія объ обученіи пѣхоты, въ небольшихъ группахъ по 6—8 человекъ, не больше; т. е. такъ, какъ это дѣлается уже давно въ большинствѣ западныхъ армій и перейти къ чему у насъ до сихъ поръ какъ-то не хотѣли, не могли или не умѣли. Индивидуальное обученіе не прививается у насъ, и по сей день, а если и прививается, то не вездѣ и то съ трудомъ и слишкомъ медленно. Новое

²⁾ Дурноѣзжая всегда худоконная, оттого, что ее мало ѣздятъ; а ѣздятъ, ее мало оттого, что она худоконная, отчего дурноѣзжесть ее увеличивается съ каждымъ годомъ.

Положеніе объ обученіи пѣхоты обращаетъ на это большое вниманіе и, надо надѣяться, дѣло теперь скоро наладится.

Ясно, что для того, чтобы чинить машину, нужно разобрать ее, разложивъ на составныя части. А для того, чтобы построить локомобиль, надо отдѣлать до-чиста и отполировать каждый винтикъ, каждую пружину, а потомъ уже собрать машину или механизмъ и пускать въ ходъ. Мы же, зачастую, желаемъ дѣйствовать въ полѣ наскоро сколоченнымъ цѣлымъ, не обработавъ предварительно съ достаточной тщательностью составныхъ частей, не отполировавъ ихъ до-чиста, а обдѣлавъ на спѣшку «только вчернѣ». И это замѣчается иногда даже у лицъ, отбывшихъ послѣднюю кампанію.

О практическихъ полевыхъ занятіяхъ многіе имѣютъ своеобразное представленіе и, еще не такъ давно случалось даже видѣть, что выведенная въ поле часть (рота или эскадронъ) прямо таки не знала, что тамъ дѣлать. И немудрено, ибо, выводя 140 или 120 человѣкъ, или хотя бы только 80—100 чел., при одномъ или двухъ офицерахъ (на унтеръ-офицеровъ, какъ на учителей, большинство не рассчитываетъ и часто совершенно справедливо), что можно сдѣлать?

Вотъ что приходилось иногда наблюдать еще не такъ давно.

Эскадронъ (или рота) выводились за заставу или за городскія ворота и проходили 6—7 верстъ по дорогѣ—кавалерія перемѣннымъ аллюромъ по три или по шести, а пѣхота по отдѣленіямъ съ подсчитываніемъ: *разъ, два, тьмой, правой*. Послѣ такой прогулки возвращались домой съ лихой пѣсней. Это ли полевая работа?

Болѣ ретивые начальники выдвигали головной и тыльный дозоры (рѣже боковые) и упражнялись въ охраненіи ядра отъ угрожающей ему опасности. Но и это вѣдь не то, что надо. Оно притупляетъ чувство бдительности, являясь простымъ моціономъ.

Наконецъ, еще болѣе усердные, миновавъ окраину города, останавливали роту или эскадронъ и, выставивъ тутъ же на глазахъ всѣхъ людей одну заставу и 1—2 поста, повѣряли обязанности чиновъ постовъ и заставы, задавая имъ вопросы. Такимъ образомъ, выходилъ тотъ же учебный залъ или классъ, но на открытомъ воздухѣ. О томъ, что успѣвали переспросить всего 5—6 человѣкъ, да хотя бы 10—15 изъ 100—140, уже умалчиваю. Развѣ это дѣло?

Иной выставялъ 3—4 заставы на сближенныхъ разстояніяхъ и бѣгалъ (а кавалеристъ носился) со своимъ помощникомъ отъ одной къ другой, успѣвъ изобразить «этотъ классъ на открытомъ

воздухъ» или эту «школьную репетицію на морозѣ» съ весьма небольшимъ числомъ людей. И тутъ потеряннаго времени много, а реальной пользы мало.

Бывало, что рассыпали пѣшую или конную часть, причемъ цѣпь первой наступала и отступала стоя ³⁾. Резервъ подходилъ, немного разомкнувшись, стрѣлялъ стоя или съ колѣна и т. д. Готовились, по просту говоря, къ атакѣ «съ музыкой и барабаннымъ боемъ», какъ въ доброе старое время! Что касается кавалерійской части, то люди обыкновенно вертѣлись, послѣ разсыпки врознь, шагомъ, точно искали потерянную ихъ начальникомъ папиросницу. Все это продолжалось въ большинствѣ случаевъ недолго, и, собравъ людей, слѣдовали затѣмъ съ пѣснями въ казармы. Но всѣ были тѣмъ не менѣе глубоко увѣрены въ томъ, что занимались серьезно полевымъ дѣломъ.

Случалось видѣть, конечно, и хорошихъ «полевыхъ педагоговъ», настоящихъ любителей этого дѣла, и весьма плодотворную работу: занятія по системѣ Леша съ флажками, мишенями и указками, но далеко не вездѣ и не такъ часто; беспомощность въ полевой педагогикѣ попадалась на глаза гораздо чаще. Есть закоулки, до которыхъ только что упомянутая система, говорятъ, и не дошла еще. Есть, какъ мнѣ рассказывали, и такіе, которые взяли изъ этой системы, главнымъ образомъ, занятія на рельефныхъ планахъ, ящикахъ съ пескомъ, позаимствовали оловянныхъ солдатиковъ и разныя модельки, а мѣстности избѣгаютъ попрежнему. Войдя въ такой классъ, вы поражены массою военныхъ игрушекъ—это настоящая кунсткамера, музей или театръ со всѣми его атрибутами до чучель или куколъ включительно. Если жѣ выводятъ такія части иной разъ въ поле, то польза отъ спорадическихъ полевыхъ упражненій (почти всегда въ составѣ цѣлыхъ ротъ или эскадроновъ) сомнительна. Вотъ почему я всегда отношусь скептически къ громкимъ фразамъ, которыми охотно жонглируютъ тѣ, которые сами являются иногда тормазомъ осмысленной работы на мѣстности.

«Надо ѣздить въ поле!» слышимъ нерѣдко. «Выводите роты (эскадроны) въ поле», выкрикивалось часто съ извѣстнымъ пафосомъ въ моемъ присутствіи. «Онъ выѣзжаетъ съ эскадрономъ или полкомъ три раза въ недѣлю въ поле!» заявляетъ иной начальникъ,

³⁾ Еще очень недавно многіе начальники запрещали ложиться людямъ даже въ цѣпи, хотя войны послѣдняго времени должны были убѣдить всѣхъ и каждаго въ томъ, что современный огонь противника дѣлаетъ стрѣльбу стоя невозможной.

расхваливая высшей инстанціи своего подчиненнаго. «Поле, да поле и еще поле, и снова поле»—все это прекрасно, но надо знать, что дѣлать въ этомъ полѣ. Объ этомъ иногда мало заботятся, надъ этимъ не задумываются.

Не съ частью, не съ ротой или эскадрономъ надо выходить въ поле, не со взводомъ, не со смѣною—все это слишкомъ крупныя части, а необходимо забираться на мѣстность на нѣсколько часовъ, каждый разъ на новый участокъ, съ группою въ 6—8 человекъ, ибо лишь при такомъ числѣ учениковъ возможна индивидуальная подготовка. Такъ смотреть на дѣло новое Положеніе объ обученіи пѣхоты, а кавалерія можетъ смѣло подражать своей сестрицѣ.

Пока въ кавалеріи будутъ показывать на смотрехъ смѣны въ 30 коней и больше, хотя бы это были молодые солдаты, объ индивидуальномъ обученіи не можетъ быть рѣчи. Предѣлъ числа всадниковъ—это: для манежа 12—15, какъ требуетъ I часть новаго кавалерійскаго устава, а для занятій на мѣстности 6—8 человекъ, какъ въ пѣхотѣ. Все, что выше, приближается или ведетъ къ табунной системѣ обученія.

Но тутъ мы наталкиваемся на непреодолимое препятствіе: отсутствіе учителей, педагоговъ-практиковъ, отсутствіе сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, знающихъ свое дѣло, знающихъ его на 12 балловъ, такихъ, для которыхъ полевая индивидуальная подготовка рядового была бы второй натурой. Такими обладаетъ заграница и, главнымъ образомъ, Германія, гдѣ всѣ унтеръ-офицеры сверхсрочные, гдѣ ихъ значительно больше на роту, эскадронъ и батарею, чѣмъ у насъ, и гдѣ всѣ ефрейторы тоже сверхсрочные.

Пока мы будемъ «выѣзжать» на срочномъ унтеръ-офицерѣ, который, по возрасту, знанію и опытности въ практическомъ дѣлѣ, мало разнится отъ своего ученика, а часто даже моложе его годами (недавно получалъ, можетъ-быть, подзатыльника отъ своего нынѣшняго ученика, бывшего еще ½ года назадъ его дядькою), дѣло будетъ идти впередъ черепашьимъ шагомъ. «Какой онъ мнѣ учитель или начальник?» думаетъ большинство, и иной говоритъ это своему начальнику, вчерашнему «племяшю», прямо въ лицо, а тотъ подчасъ молча соглашается съ этимъ и во всякомъ случаѣ рѣдко обижается. Дѣло не можетъ двигаться иначе, какъ только медленно, пока наши военные училища будутъ давать намъ офицеровъ, незнакомыхъ съ практикою полевого дѣла и представляющихъ изъ себя «комнатное растеніе», пока ихъ надо будетъ втягивать въ трудъ и

учить наравнѣ съ унтеръ-офицерами и рядовыми. И подрапорщики наши—это, въ сущности, тоже комнатная культура, своего рода «институтки»: экзамень да балль рѣшаютъ все, а опытности у нихъ мало. Во всякомъ случаѣ, послѣдняя не принимается при производствѣ въ соображеніе.

Въ Германіи унтеръ-офицера готовятъ въ ротѣ (эскадронѣ), практически и притомъ продолжительное время. Будущій офицеръ начинаетъ службу тоже практически въ строю; проходитъ онъ всѣ ступени іерархической лѣстницы въ своемъ полку; правда, проходитъ ихъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, но все же соприкасаясь передъ отправленіемъ въ училище съ жизнью, съ казарменнымъ бытомъ, съ солдатомъ, котораго онъ знаетъ досконально. И знаетъ онъ его подчасъ лучше своихъ старшихъ товарищей и начальниковъ, ибо только что изучалъ его, когда самъ нижній чинъ показывался ему «въ естественномъ видѣ», не стѣсняясь передъ нимъ. Наши же вновь производимые подпоручики и корнеты могутъ разсматривать солдата только черезъ «офицерскую призму», исключаящую возможность видѣть его «au naturel», да простятъ мнѣ это выраженіе: Изъ моего личнаго опыта могу заявить, что масса характерныхъ особенностей службы и жизни нашего рядового и его ближайшаго начальника запечатлѣлись у меня въ памяти въ бытность вольноопредѣляющимся. Это наблюденіе за нижнимъ чиномъ, общеніе съ нимъ 30 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ научило меня многому, оказало громадныя услуги въ смутное время, выручаетъ иногда изъ труднаго положенія и по сей день. Не вызванъ ли проступокъ солдата неумѣлымъ поведеніемъ малоопытнаго начальника? Что шалость, глупость, а что злой умыселъ или испорченность? Гдѣ вина самого провинившагося, а гдѣ и въ чемъ вина его ближайшаго начальника, вбившаго ему въ голову ложное, а подчасъ и преступное понятіе о томъ или иномъ. Какая тутъ огромная шкала отѣнковъ! Развѣ юный офицеръ имѣетъ объ этомъ малѣйшее представленіе? Вѣдь онъ жилъ и живетъ совершенно другой жизнью. Иного люди прямо таки не понимаютъ, да и онъ не знаетъ ихъ, пока не приобрѣтетъ опытности, умѣнья и не примѣнится къ новымъ для него условіямъ.

При нашемъ способѣ подготовки офицера въ классѣ и выдѣлкѣ нашего «унтера» на спѣшку тоже въ классѣ, отдавая преимущество грамотности кандидатовъ на галунъ, полевое дѣло не можетъ процвѣтать. Приходится набирать унтеръ-офицеровъ изъ числа полунинтеллигентовъ, т. е. самаго вреднаго элемента, распропагандиро-

ваннаго и развращеннаго сельскими учителями или фабричнымъ людомъ и, кромѣ того, теряющагося въ полѣ. Это порождаетъ и другую серьезную опасность, о которой многіе не думаютъ или на которую просто закрываютъ глаза. Только медленная обработка нашего превосходнаго деревенскаго людскаго матеріала, способнаго дать отличный контингентъ унтеръ-офицеровъ, только предоставленіе намъ возможности откидывать понемногу сорныя травы, выбирая постепенно и неторопливо наиболѣе подходящее, можетъ измѣнить дѣло къ лучшему въ учебномъ и въ воспитательномъ отношеніи. Такой способъ могъ бы также гарантировать и полную безопасность отъ всякой пропаганды. Обо всемъ этомъ я высказался въ моей брошюрѣ: «Рациональные приемы обученія и воспитанія современнаго солдата и его ближайшаго начальника». Пока все обстоитъ до поры до времени благополучно, мы довольствуемся яко бы скорыми, но совершенно ложными успѣхами нашихъ ближайшихъ помощниковъ. А грянетъ громъ, будетъ поздно!

Какъ часто, входя въ разбирательства дѣлъ или провинностей нижнихъ чиновъ, мнѣ приходилось наталкиваться на курьезы. Я находилъ, напримѣръ, въ числѣ взысканій, накладываемыхъ унтеръ-офицерами: одно дневальство—за неисполненіе приказанія (полагается дисциплинарный баталіонъ), или же два дневальства—за оскорбленіе своего начальника (полагается тюрьма) и т. д. И, въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо провинившійся былъ недавно учителемъ своего нынѣшняго начальника, подтягивалъ его, можетъ быть трунилъ надъ нимъ, эксплуатировалъ его или давалъ изрѣдка тумака, и вдругъ роли переѣнились слишкомъ поспѣшно. Не оттого-ли вездѣ за границей и даже въ республиканской Франціи, несмотря на то, что тамъ всѣ унтеръ-офицеры сверхсрочные, имъ не дано власти наложенія взысканій. А у насъ, когда мы чуть ли не въ день поступленія людей на службу сортируемъ ихъ на начальниковъ и подчиненныхъ, такая власть дана. Это послѣднее обстоятельство, если вникать въ жизнь нижнихъ чиновъ, и является однимъ изъ главныхъ источниковъ всевозможныхъ недоразумѣній. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ, вотъ вопросъ? Какъ предавать суду, если преступленіе вызвано всей окружающею обстановкой и самимъ начальникомъ изъ нижнихъ чиновъ, отдающимъ обыкновенно приказаніе въ разговорной формѣ (человѣку, бесѣдующему съ нимъ на «ты»), такъ что, сплошь и рядомъ, подчиненный и не чувствуетъ въ немъ, если можно такъ выразиться, «начальческаго повелѣнія». Отвѣтъ

тутъ одинъ: имѣть только сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, ибо безъ нихъ не обходится ни одна армія.

«Я ему былъ раньше дядькою», заявляетъ чуть ли не плачущимъ голосомъ на дознаніи добродушный, никогда ни въ чемъ не попадавшійся и не желавшій никого обидѣть, обвиняемый. Или же: «насъ съ нимъ вмѣстѣ «пригнали»; мы земляки, только его сейчасъ въ учебную команду» и т. д. При такихъ обстоятельствахъ трудно, крайне трудно, поддерживать дисциплину, да и провести индивидуальное обученіе, очевидно, не легко.

Такъ какъ у насъ нѣтъ еще достаточнаго числа опытныхъ сверхсрочныхъ, то приходится пока работать съ однимъ или двумя офицерами на роту (эскадронъ), съ однимъ или двумя прапорщиками (если таковые есть), да надо выбрать еще двухъ, трехъ срочныхъ унтеръ-офицеровъ изъ болѣе способныхъ и подготовить ихъ основательно къ инструкторской дѣятельности, чтобы дѣло пошло до нѣкоторой степени на ладъ.

Путешествуя за границей, я имѣлъ неоднократно случай видѣть, какъ маленькія группы въ 6—8 человекъ, не больше, покидаютъ подъ командою унтеръ-офицеровъ казарму чуть ли не въ 5 час. утра и отправляются пѣшкомъ или верхомъ за городскую окраину. Тамъ онѣ расходятся по разнымъ участкамъ и занимаются практически полевымъ дѣломъ до полудня, а подчасъ и дольше. Иногда отправляются на мѣстность съ вечера на ночь. При видѣ этой хлопотливой, какъ бы «муравьиной» работы, я задавалъ себѣ всегда вопросъ: почему, отчего, этого у насъ не дѣлаютъ или дѣлаютъ не такъ (больше гуртомъ, цѣлыми ротами, взводами), а если и дѣлаютъ, то не вездѣ и не такъ часто.

Что же можно продѣлать съ такою маленькою группою на мѣстности въ теченіе 7—8 часовъ? спросить, можетъ быть, читатель.

Сдѣлать можно и даже очень много; изложу это ниже. Не считая себя специалистомъ по подготовкѣ пѣшаго бойца, не довѣряя личной моею опытности, а основываясь лишь на проповѣдываемомъ лицами, болѣе компетентными, чѣмъ я, попробую дать насчетъ этого нѣкоторыя указанія, распредѣляя уроки или упражненія на три категоріи. Раньше, чѣмъ говорить объ урокахъ въ полѣ, подѣлюсь съ читателемъ своимъ личнымъ опытомъ, вынесеннымъ изъ 8-лѣтняго командованія эскадрономъ и 6-лѣтняго командованія полками.

Первая категория уроковъ.

Раньше, чѣмъ вывести человѣка въ поле, необходимо использовать время дома, въ казармахъ. Надо, какъ я писалъ объ этомъ неоднократно и пишу объ этомъ четверть столѣтія, заставлятъ молодого парня исполнять въ теченіе дня по нѣскольку несложныхъ, но кратко и строго формулированныхъ, приказаній или порученій и непременно ежедневно. Можно послать его отдать кому-либо какой-нибудь предметъ: книгу, оружіе, мундирную вещь, заставивъ добавить по порученію отправителя нѣсколько словъ. Можно отправить его съ просьбою одолжить ту или иную вещь. На это обученіе надо посвятить 3—4 недѣли. Второю ступенью въ этой педагогической лѣстницѣ будетъ посылка ученика наблюдать въ теченіе 10—12 минутъ за какою-нибудь улицею и за тѣмъ, что на ней дѣлается: кто проходитъ, проѣзжаетъ? Это важный военно-педагогическій пріемъ, котормъ напрасно пренебрегаютъ, и жаль, что его не рекомендуютъ наши официальные наставленія. Такія упражненія весьма полезны не только для молодыхъ солдатъ, но и для потѣшныхъ, у которыхъ наравнѣ съ физическимъ развитіемъ надо упражнять глазъ и мозгъ въ полезномъ для военнаго дѣла направленіи. Простолудинъ нашъ способенъ и находчивъ, но застѣнчивъ въ молодомъ возрастѣ. Онъ, когда вы его спросите, какъ будто ничего не видѣлъ, ничего не замѣтилъ и готовъ еще прибавить: *«потому, что мы не здѣшніе»*, а на самомъ дѣлѣ видѣлъ все прекрасно, но не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Его наблюдательность легко однако развить этими простыми пріемами.

Не случилось ли вамъ присутствовать при судебномъ разбирательствѣ какого-нибудь дѣла (несчастнаго случая, увѣчья, пожара, убійства)? Не были ли вы поражены тѣмъ, что 5—6 добросовѣстныхъ, безкорыстныхъ свидѣтелей, находившихся въ опредѣленное время въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не могли видѣть одного и того же происшествія во всѣхъ его подробностяхъ и даютъ на судѣ совершенно различныя и сбивчивыя показанія. Одинъ видѣлъ, напри- мѣръ, подсудимаго (убійцу), бѣгущаго изъ дома въ шляпѣ съ узелкомъ и ножомъ въ рукахъ. Другой видѣлъ его же, но безъ шляпы. Третій видѣлъ убѣгавшаго съ тѣмъ же узломъ и ножомъ, но подъ присягою клянется, что это не былъ подсудимый, а совершенно другой человѣкъ, что онъ былъ гораздо выше ростомъ или, наоборотъ, ниже. Найдется, вѣроятно, и такой, который стоялъ чуть не

у самыхъ дверей, но никого, выходящаго оттуда не видѣлъ или видѣлъ не одного, а двухъ человѣкъ, или, можетъ быть, женщину, не мужчину. Все это, повторяю, показываютъ подъ присягою иногда вполне добросовѣстные люди. У страха глаза велики. Непривычка наблюдать детали, волненіе, мимолетность впечатлѣній и т. д. являются причиной такой путаницы понятій, происходящей отъ неумѣнья запомнить то, что на самомъ дѣлѣ было или появилось, отъ неумѣнья, если можно такъ выразиться, «фиксировать» эти мимолетныя впечатлѣнія. Въ военномъ мірѣ мы должны считаться съ тѣми же данными. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что въ какой-то изъ войнъ, вѣданныхъ Фридрихомъ Великимъ, одинъ изъ развѣздовъ принялъ издали испугнутое стадо гусей за взводъ или эскадронъ непріятельскихъ кирасиръ и такъ донесъ или доложилъ начальству. Однако, систематическая выучка можетъ выработать очень скоро наблюдательность въ желаемомъ направленіи. Заставьте человѣка рассказать, что онъ видѣлъ, кого встрѣчалъ; пусть выскажется насчетъ ширины улицы, качества мостовой, пусть сосчитаетъ окна въ какомъ-нибудь зданіи, фонари на извѣстномъ участкѣ улицы, число домовъ на ней, количество товарныхъ и пассажирскихъ вагоновъ въ проходящемъ поѣздѣ, число баржъ, лодокъ, пароходовъ на рѣкѣ и т. д. Потребуйте также иной разъ, чтобы человѣкъ посмотрѣлъ, что дѣлается на рынкѣ, на учебномъ плацу, на казарменномъ дворѣ или манежѣ: кто ѣздитъ, сколько человѣкъ, кто обучаетъ? Разъ посланный съ такою задачею въ манежъ молодой солдатъ увѣрялъ меня, что ѣздили люди своего полка и обучалъ офицеръ въ полковой фуражкѣ. На самомъ же дѣлѣ тамъ ѣздила сборная пулеметная команда отъ всей дивизіи въ разныхъ фуражкахъ, а офицеръ былъ прикомандированный и въ совершенно другой формѣ. Всего этого молодой солдатъ «не схватилъ». Такіе приемы можно примѣнять съ пользою и при обученіи потѣшныхъ.

Отъ усердія и изобрѣтательности обучающаго зависитъ успѣхъ этихъ занятій. Разнообразіе даваемыхъ задачъ, строгая послѣдовательность и постепенность превращаютъ весьма скоро неуклюжаго мужика въ смышленнаго полевого работника. Если имѣютъ дѣло съ кавалеристомъ, то его, какъ я писалъ объ этомъ неоднократно, заставляютъ еще вдобавокъ ѣздить передъ фронтомъ стоящей на мѣстѣ шеренги вокругъ обучающаго для того, чтобы выработать въ немъ самостоятельность и умѣнье управлять лошадью въ одиночку. Другого (или 3-хъ—4-хъ всадниковъ) посылаютъ въ то же время

верхомъ на подобный только что упомянутому «высмотръ»: сначала попарно или по три, а потомъ въ одиночку «туда-то» или по «такимъ-то улицамъ, дорогамъ», потребовавъ доклада о видѣнномъ. Все это полезнѣе вѣчнаго томительнаго мотанія «по одному на двѣ лошади дистанціи», безпрестанныхъ вольтовъ и заученныхъ наизусть въ столовой пѣшкомъ карусельныхъ конныхъ фигуръ, отъ которыхъ и люди и кони глупѣютъ, становясь въ полевой обстановкѣ: первые безпомощными, а вторые пугливыми. Подобныя рекомендаемыя мною упражненія, повторяю еще разъ, систематичнѣе и полезнѣе, чѣмъ 2—3 дальнія поѣздки съ развѣдчиками (96 человекъ въ колоннѣ по три на дорогѣ подъ командою одного лица). Для нижнихъ чиновъ пѣхоты прогулки съ такими же порученіями опять-таки полезнѣе вѣчнаго: *левой, правой, разъ, два* и безпрестанной команды: *пальба шеренгою или взводомъ*, вырабатывающихъ манекеновъ и автоматовъ. На эти упражненія первой категоріи нужно удѣлить по крайней мѣрѣ 20—30 уроковъ, а лучше даже больше.

Ж. Вольфъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

